

УДК 811.161.1'373

Хлупина М.А.

Московский государственный областной университет

**СЛОВО ЖУРНАЛИСТ В ОЦЕНКЕ ЕДИНИЦАМИ
ПРЕДИКАТНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ С.Д. ДОВЛАТОВА)**

M. Khlupina

Moscow State Regional University

**THE WORD JOURNALIST IN THE ASSESSMENT OF THE UNITS OF PREDI-
CATE VOCABULARY (ON THE MATERIAL OF S. DOVLATOV'S PROSE)**

Аннотация. В статье на материале прозы С.Д. Довлатова рассматривается слово *журналист* в оценке единицами предикатной лексики. С помощью предикатных характеристик писатель даёт оценку профессиональных и личностных качеств журналистов. В лексическом значении изучаемых единиц предикатной лексики актуализируются семы 'мастерство', 'обязанность', 'благородство', 'цинизм', 'алкоголь'. Авторская оценка журналистов и журналистики, зафиксированная в художественных текстах Довлатова, дополняет представление о его языковой личности.

Ключевые слова: предикатная лексика, журналист, Довлатов, языковая личность.

Abstract. In the article, on the material of S. Dovatov's prose the word *journalist* is considered in the assessment of the units of predicate vocabulary. With the help of predicate characteristics the writer gives an assessment of professional and personal qualities of the journalists, outlines the features of a typical representative of the profession. In the lexical meaning of the studied units of predicate vocabulary actualized are the following components: 'skills', 'duty', 'generosity', 'cynicism', 'alcohol'. The author's evaluation of journalists and journalism, recorded in Dovatov's fiction, complements the notion of the writer's language personality.

Key words: predicate vocabulary, journalist, Dovatov, linguistic personality.

Литературное творчество было призванием С.Д. Довлатова, и современные читатели знают его именно как писателя. Но Довлатов, помимо литературы, занимался журналистикой. По воспоминаниям А. Арьева, «Серёже мешало то, что он очень хотел быть профессиональным писателем и печататься где угодно. Отчасти именно поэтому он очень много работал как журналист в разных газетах» [6, с. 165]. Сравним с оценкой Довлатовым своей журналистской работы: «Становлюсь журналистом. Всё же перо, бумага, типографская краска. Издали похоже на литературу» [11, с. 225]. По нашему мнению, писателя привело в журналистику желание увидеть напечатанными хотя бы свои статьи, ведь в Советском Союзе опубликовать большинство художественных произведений не представлялось возможным.

Другой причиной обращения к журналистике было отношение к ней как к источнику заработка. В интервью В. Ерофееву Довлатов признавался: «Я не журналист по духу. Меня не интересуют факты, я путаю, много вру, я не скрупулезный, не энергичный, короче – не журналист. Хотя всю жизнь зарабатывал именно этим» [4, с. 475].

В прозе Довлатова слово *журналист* приобретает аксиологические коннотации, называемая им деятельность получает амбивалентную авторскую оценку, переданную единицами предикатной лексики.

«Предикатная номинация <...> представляет собой процесс познания конкретного явления. <...> Именно в сфере предикатных номинаций, фиксирующих знания человека о мире,

возникают, интегрируются и дифференцируются значения» [1, с. 109]. В.В. Леденёва справедливо пишет о заметной роли предикатной лексики, «с помощью которой можно обнаружить те или иные субъективные факторы – индикаторы авторской интенции» [7, с. 399].

Довлатов показывает социальную значимость профессии журналиста: *Ведь партийный работник и журналист где-то, я бы сказал, – коллеги* (Компромисс) [5]. Использовано бисубстантивное предложение, в котором «все вводные конструкции со значением источника информации являются средством выражения значения субъекта оценки, характеристики, отождествления...» [2, с. 179]. В контексте в речевой партии секретаря райкома предлагается авторская оценка: Довлатов несколько лет был сотрудником эстонской партийной газеты и хорошо знал особенности профессии журналиста.

Довлатов указывает определённые сферы журналистской деятельности (*Стал промышленным журналистом* (Компромисс); *Он был известным спортивным журналистом* (Ремесло)). *Промышленный журналист* неуязвим для цензуры: *Шаблинский работал в промышленном отделе, его материалы не вызвали дискуссий. В них преобладали цифры, рассчитанные на специфического читателя* (Компромисс). Спортивный журналист может прославиться (обратим внимание на предикатную характеристику *известный*): один из довлатовских героев был редактором журнала «Хоккей-футбол». *А футбол и хоккей заменяют советским людям религию и культуру* (Ремесло).

Журналистская деятельность, в отличие от литературной, могла обеспечить писателям-нонконформистам приемлемый уровень жизни: *Журналист по образованию, Рид давно бросил газетное дело. Денег не было* (Ремесло). Предикатная характеристика *журналист по образованию* важна Довлатову ещё и по причине того, что он сам не имел диплома журналиста.

В текстах Довлатова, повествующих о журналистской работе, проводится разде-

ление штатных и внештатных сотрудников: штатная работа имеет преимущества, но налагает обязательства, в том числе создание *социально значимых материалов*. Проблема поиска темы такой статьи решается благодаря совету написать *про мать-героиню*. Автобиографический герой последовал совету: *Что мне оставалось делать? Всё-таки я штатный журналист* (Чемодан). Риторический вопрос: *Что мне оставалось делать?* – трижды встречается в тексте повести как самооправдание действий автобиографического героя, несущее коннотацию безысходности.

Значения предикатных характеристик *штатный* и *профессиональный* сближаются благодаря актуализации семы ‘обязанность’ в контексте: *Слушайте, – рассердился Туронок, – не занимайтесь демагогией! <...> Материал должен быть готов к среде. Вы профессиональный журналист...* (Компромисс). Профессионализм автобиографического героя-журналиста заключается в умении написать статью на заданную тему в указанный срок.

Положительную авторскую оценку способностей автобиографического героя видим в контексте: *Я готовил первый выпуск. Написал довольно милые стишки. <...> Универсальный журналист, я ими тайно гордился* (Компромисс). Характеристика единицей предикатной лексики *универсальный*, как и *профессиональный*, выявляет сему ‘мастерство’. Но о своих способностях Довлатов пишет сдержанно: *Лично я стал тем, кем был, наверное, и раньше. <...> То есть – литератором и журналистом. Увы, далеко не первым. И, к счастью, далеко не последним* (Марш одиноких). Нам представляется, что в книге «Марш одиноких» оценка высказана прямо, от лица самого писателя. Несовпадение оценок объясняется творческим методом Довлатова, который он называл псевдодокументализмом [3, с. 166]: автор наделил героя своими чертами, но они художественно переосмыслены, в результате чего складывается образ, который читатели отождествляют с личностью писателя.

Первый и последний – это противоположные характеристики: *первый* – ‘Лучший из всех в каком-н. отношении, отличный’ [9, с. 497]; *последний* – ‘Совсем плохой, самый худший (разг.)’ [9, с. 566]. В контексте предикат *литератор* предшествует предикату *журналист* как более широкий по объёму, несущий положительнооценочные коннотации. Это подтверждает приоритет литературной деятельности над журналистской в системе ценностей писателя.

Довлатовская исповедальная автохарактеристика передаётся с помощью секундарной предикации: *Только чудо может спасти Корчного от поражения. И я, неверующий, циничный журналист, молю о чуде...* (Марш одиноких). *Циничный* – ‘Полный цинизма, бесстыдный’ [9, с. 873], где *цинизм* – ‘Пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, наглость, бесстыдство’ [там же].

По Довлатову, цинизм, который он видит в себе, является одной из черт *типичного журналиста*: *Когда нас познакомили, это был типичный журналист с его раздвоенностью и цинизмом* (Компромисс).

Положительная оценка профессиональных качеств журналиста дана в контексте: *Этими материалами заведовал Герман Беляев, хороший журналист из тех, что “продаются лишь однажды”* (Ремесло). Ср.: *О журналистах замечательно высказался Форд: “Честный газетчик продаётся один раз”. <...> В журналистике есть скупочные пункты, комиссионные магазины и даже барахолка* (Компромисс). *Продаться* – ‘перен., кому. Изменить, бесчестно перейти на чью-н. сторону из корыстных побуждений’ [9, с. 607]. Авторскую оценку личностных качеств Беляева можно считать амбивалентной (*продаётся, но лишь однажды*). Неоднозначная оценка, ироническое переосмысление раскрывается в расширенном контексте благодаря вставной конструкции: *По существу, он был добрым и порядочным человеком. (Как большинство российских алкоголиков.) Но в жёстко обозначенных границах своего*

понимания действительности (Ремесло). Предикаты *добрый* и *порядочный* содержат в своей семантике компонент положительной оценки: *порядочный*¹ – ‘Честный, соответствующий принятым правилам поведения’ [9, с. 565]. Однако Беляев охарактеризован как *добрый* и *порядочный* с долей допущения: у него *своё понимание действительности*, в которое, вероятно, входит и способность *продаться однажды* – поступить на номенклатурную должность. В сочетании взаимноисключающих качеств (*порядочность* и *продажность*) состоит *раздвоенность*, свойственная, по Довлатову, всем журналистам.

Довлатов приписывает доброту и порядочность Беляеву, объясняя положительные качества тем, что журналист – алкоголик. По мнению Э. Тышковски-Каспшак, в прозе Довлатова «именно пьяницы оказываются порядочными людьми» [10, с. 70]. Если порядочность Беляева является спорной, то благородство другого алкоголика-журналиста не вызывает сомнений у автора: *Милиция затем приходила ещё раз четыре. И я всегда узнавал об этом заранее. Меня предупреждал алкоголик Смирнов.*

Гена Смирнов был опустившимся журналистом (Заповедник);

В окне напротив постоянно торчал Гена Сахно. Это был спившийся журналист и, как многие алкаши, человек ослепительного благородства. <...> Если к нашему подъезду шла милиция, Гена снимал трубку (Наши). Отметим парадоксальность коннотативной положительной оценки *алкоголика*. В двух повестях писатель показывает одну и ту же ситуацию, но даёт своему герою разные фамилии. В этом проявляется псевдодокументализм.

В некоторых случаях Довлатов пишет о пьющих журналистах без оценки их морального облика, но показывает, что увлечение алкоголем может привести к увольнению – потере социального статуса: *Костя Беляков считался преуспевающим журналистом. <...> Он искал глазами самого невзрачного из участников конференции <...> и говорит:*

<...> Я дыхну, а ты мне скажешь – пахнет или нет...

Невзрачный оказался вторым секретарём обкома. Костю уволили из редакции (Записные книжки).

Преуспевать – ‘Хорошо жить и хорошо вести свои дела, благоденствовать’ [9, с. 584]. Характерен выбор связки *считаться*, имеющей значение, «промежуточное между подлинностью и мнимостью» [8, с. 93]: журналист не только считает возможным прийти на партийную конференцию нетрезвым, но и неосторожно обнаруживает своё состояние – это не соответствует поведению *преуспевающего* журналиста. Контекст окрашен авторской иронией.

«Но если в прозе Довлатова пьяницы являются хорошими людьми, то по аналогии – непьющие вызывают недоверие и в конце концов оказываются негодьями» [10, с. 70]. Автор пишет о непьющем журналисте: *В любой газетной редакции есть человек, который не хочет, не может и не должен писать. И не пишет годами* (Компромисс). Предикаты передают оксюморонное значение ‘непишущий журналист’. Это объясняется тем, что Вагин – *стукач*. Выбор предиката, обладающего пейоративными коннотациями, свидетельствует об отношении Довлатова к доносчикам: писатель не считал себя высокоморальным человеком, но доноительство резко осуждал.

Довлатов показывает присущую журналистам завышенную оценку своих способностей: *Вообще редакционные пьянки – это торжество демократии. Здесь можно подшутить над главным редактором. Решить вопрос о том, кто самый гениальный журналист эпохи* (Компромисс). В контексте проявляется авторская ирония: предикатная характеристика *гениальный* употреблена в форме превосходной степени, дано ироническое определение *пьянки* как *торжества демократии*, журналиста эпохи выбирают из числа присутствующих сотрудников редакции.

Знакомая Довлатову проблема трудоустройства после очередного увольнения

отразилась в прозе: его герой испытывает беспричинную неприязнь к возможному работодателю, с которым лично не знаком:

– *Есть вакансия. <...> Запиши фамилию – Каширин.*

– *Это лысый такой?* (Компромисс).

Собеседник автобиографического героя пытается вызвать у него положительное отношение к Каширину, указывая на профессионализм последнего: *Каширин – опытный журналист*. Автором выбрана предикатная характеристика *опытный*, которая содержит сему ‘мастерство’, как и характеристики *профессиональный, универсальный*.

Довлатов с помощью контекстуальных партнёров лексемы характеризует журналиста по принадлежности к стране и господствующей в ней идеологии: *Ты, Далматов, был советским журналистом. Затем стал антисоветским журналистом. Теперь опять будешь советским журналистом* (Фиалил).

Писатель радуется успехам соотечественников в эмиграции: *...я даже за Наврозова обрадовался. <...> первый американский журналист из наших...* (Марш одиноких). В предикатной характеристике наблюдается положительная авторская оценка, обусловленная отношением Довлатова к *нашим* (*Вы – моя национальная гордость!*).

В контекстах, повествующих о жизни Довлатова или его автобиографического героя в Америке, автор, не отрицая своей писательской сущности, открыто называет журналистом и себя, и героя; характеристика себя как журналиста может занимать первое место (с указанием национальной принадлежности): *Кому я, русский журналист и литератор, мог предложить свои услуги?* (Ремесло). Это вызвано тем, что в эмиграции писатель стал одним из создателей и главным редактором газеты «Новый американец», в которой он мог публиковать материалы на любые темы, не опасаясь цензуры.

Анализ 21 контекста, содержащего слово *журналист* в оценке единицами предикатной лексики, показал неоднозначность отношения С.Д. Довлатова к журналистам

и журналистике. С помощью предикатных характеристик, в семантике которых актуализируются компоненты 'мастерство', 'обязанность', 'благородство', 'цинизм', 'алкоголь', писатель создаёт типологию журналистов, показывает их социальный статус, обрисовывает черты типичного представителя профессии, даёт оценку профессиональных и личностных качеств других журналистов и самого себя как журналиста, руководясь тем, соответствует ли конкретное лицо авторскому идеалу журналиста (профессионал высокого класса, сохранивший порядочность и благородство).

При всей важности для Довлатова писательского творчества нельзя отрицать значимость журналистики: журналистика отчасти была *литературным* занятием. Авторская оценка журналистов и журналистики, зафиксированная в художественных текстах, дополняет представление о языковой личности писателя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I–XV, 896 с.
2. Герасименко Н.А. Соотношение объективного и субъективного компонентов смысла в бисубстантивных предложениях [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». – 2012. – № 4. – С. 177–181. – URL: http://vestnik-mgou.ru/vipuski/2012_4/stati/pdf/gerasimienko.pdf (дата обращения: 04.11.2012).
3. Глэд Дж. Писать об абсурде из любви к гармонии: Интервью с Сергеем Довлатовым // Время и мы. – Нью-Йорк. – 1990. – № 110. – С. 159–173.
4. Довлатов С.Д. Дар органического беззлобия // Довлатов С.Д. Собрание сочинений: в 4 т. – Т. 4. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – С. 468–476.
5. Довлатов С.Д. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука-классика, 2006.
6. Ковалова А., Лурье Л. Довлатов. – СПб.: Амфора, 2009. – 441 с.
7. Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова: Средства номинации и предикации: дис... докт. филол. наук: в 3 т. – Т. 1. – М., 2000. – 481 с.
8. Лекант П.А. Семантика связок // Семантика лексических и грамматических единиц: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МПУ, 1995. – С. 87–94.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1991. – 917 с.
10. Тышковска-Каспшак Э. Гармония таится на дне бутылки. Мотив алкоголя в творчестве Сергея Довлатова // *Ħmogus ir Ħodis: Literaturologija (mokslu darbai)*. – Вильнюс, 2005. – Т. 7. – № 2. – С. 67–72.
11. Штерн Л. Довлатов – добрый мой приятель. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 352 с.